

Содержание

ISSN 2587-8190

Ольга Докучаева. Мотив ограниченного знания в Стихе о Голубиной книге и в «Луцидариусе»	245
Дарья Трушина. «Родословная» сатира в «Недоросле» Д. И. Фонвизина и ее традиция в европейской литературе	256
Екатерина Лямина, Наталья Самовер. «Первые и последние стихи французские». Крылов — читатель маркиза де Кюстина.....	269
Анастасия Рожкова. Фольклорный и реальный комментарии к стихотворениям на былинные сюжеты А. К. Толстого «Змей Тугарин», «Илья Муромец» и «Алеша Попович»	281
Ольга Макаревич. Эффект бабочки, или Об одном сравнении в романе И. А. Гончарова «Обрыв»	293
Ангелина Балабаева. Личность и поэзия А. С. Пушкина в контексте литературно-критических работ Вл. С. Соловьева о русской поэзии	312
Анастасия Полумордвинова. Образ Сверхчеловека в творчестве В. Я. Брюсова: От гениальности к сумасшествию. <i>На материале ранней прозы и романа «Огненный ангел»</i>	330
Дмитрий Цыганов. Сталинская премия в системе литературного производства 1940-х — начала 1950-х годов. <i>Институциональный контекст формирования соцреалистического канона</i>	347
Евгения Ковалева. Петербургский текст в лирике Виктора Кривулина 1960-х годов	371
Екатерина Буханова. Элементы рецепции античных менипшей в повести А. Битова «Ожидание обезьян»	388
Указатель имен	409
Содержание семнадцатого тома	425

Тираж 500 экз.

Редакция:

А. А. Кобринский (главный редактор),

А. Ю. Балакин, А. С. Пахомова

Адрес редакции

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.

Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

2021 XVIII (3-4)

Летняя школа по русской литературе

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

международная летняя школа
по русской литературе

Выходит 4 раза в год
Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель
К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. И. Ю. Виноцкий (Принстон, США)
Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)
Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)
Проф. К. Ю. Лапо-Данилевский (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)
Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки, Финляндия)

Издано с использованием гранта Президента Российской Федерации,
предоставленного Фондом президентских грантов.

<http://schoolsummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77 – 63198 от 1 октября 2015 года
Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186
ISSN 2587-8190 = Letnáá škola

С 30 ноября 2017 года журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

© Авторы статей, 2021
© «Летняя школа по русской литературе», 2021

Contents

Olga Dokuchaeva. The motive of limited knowledge in The Poem about Golubinaja kniga and <i>Lucidarius</i>	245
Darya Trushina. Pedigree satire in The Minor by D. I. Fonvizin and its tradition in European literature	256
Ekaterina Lyamina, Natalia Samover. <i>First and last French verses.</i> Ivan Krylov reads Marquis de Custine	269
Anastasia Rozhkova. Folklore and real comments on the poems on the epic plots by A. K. Tolstoy <i>The Serpent Tugarin, Ilya Muromets</i> and <i>Alyosha Popovich</i>	281
Olga Makarevich. The butterfly effect, or About one comparison in I. A. Goncharov's novel <i>The precipice</i>	293
Angelina Balabaeva. Alexander Pushkin and his poems in the context of Vl. Solovyov's literary criticism about Russian poetry	312
Anastasia Polumordvinova. The image of the Superman in the work of V. Ya. Bryusov: <i>From genius to madness</i> (Based on the material of early prose and the novel <i>The Fiery Angel</i>)	330
Dmitry Tsyganov. Stalin's Prize in the system of the literary process in 1940s — early 1950s. <i>The formation of the socialist realist canon in the institutional context</i>	347
Evgeniya Kovaleva. The St. Petersburg text in the poetry of Viktor Krivulin of the 1960s	371
Ekaterina Bukhanova. Elements of the reception of the ancient <i>menippeas</i> in the novel by A. Bitov <i>The Monkey Link</i>	388
Index	409
Content of the volume	425

Editorial Board

Alexander Kobrinsky (Chief Editor),
Alexey Balakin, Aleksandra Pakhomova

Editorial address

191036, St.-Petersburg, 1st Sovetskaya ul., 10, lit. K.
Phone number: (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

АНГЕЛИНА БАЛАБАЕВА
(Москва)

ЛИЧНОСТЬ И ПОЭЗИЯ А. С. ПУШКИНА В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИХ РАБОТ ВЛ. С. СОЛОВЬЕВА О РУССКОЙ ПОЭЗИИ

В статье рассматривается концептуальное значение фигуры А. С. Пушкина для представлений Вл. С. Соловьева об истории русской поэзии. Пушкинская поэзия в построениях Соловьева становится основой для формирования литературной родословной поэтов и поиска новых путей развития поэзии.

Ключевые слова: Вл. С. Соловьев, А. С. Пушкин, литературная критика, русская поэзия XIX века, философия.

Информация об авторе: Ангелина Сергеевна Балабаева, студентка Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Москва, Россия.

E-mail: angelinabalabaeva@gmail.com

Alexander Pushkin and his poems in the context of Vl. Solovyov's literary criticism about Russian poetry

The article considers the conceptual significance of Alexander Pushkin for Solovyov's ideas about the history of Russian poetry. Pushkin's works becomes the basis for the formation of the literary continuity and the search for new ways of literary evolution.

Key words: Vladimir Solovyov, Aleksander Pushkin, literary criticism, 19th century russian poetry, philosophy.

About the author: Angelina Balabaeva, student at Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia.

E-mail: angelinabalabaeva@gmail.com

DOI 10.26172/2587-8190-2021-17-3-4-312-329

В истории русской культуры второй половины XIX века Владимир Соловьев известен, в первую очередь, как мыслитель, яркий представитель русского религиозно-философ-

ского ренессанса, проповедник теории Всеединства и приверженец мистического учения о Софии. Но его творчество выходит далеко за рамки только философской деятельности: за свою относительно недолгую жизнь (1853–1900) он проявил себя как поэт, публицист и литературный критик. Более того, его философские искания не оставались чисто теоретическими и получали свое отражение в других сферах: мистические чаяния Софии воплотились в поэтических образах Вечной Женственности,¹ «подруги вечной»². Эстетические представления Соловьева нашли свое выражение в его статьях о русских поэтах XIX века, где на первый план выходит не столько конкретный разбор художественных текстов, сколько размышления о природе творчества и поэтического вдохновения, о роли поэта и поэзии в универсуме. Оговорка о связи между философской и критической деятельностью Соловьева сделана нами неслучайно: как мы постараемся показать ниже, некоторые из положений, высказанных в критике, остаются непроясненными без учета тех философских представлений, которых придерживался мыслитель.

Интересы Соловьева-критика в области поэзии охватывают почти весь XIX век: от Пушкина до первых символистов (Соловьев застал издание первого сборника В. Я. Брюсова «Русские символисты» и откликнулся на него одноименной статьей,³ в ироничной манере раскритиковав новое литературное течение). О поэтах допушкинской эпохи в работах Соловьева почти не упоминается: значимым исключением можно считать лишь его стихотворение «Родина русской поэзии» (1897) с подзаголовком, отсылающим к элегии В. А. Жуковского «Сельское кладбище» (1802). О значении

---

¹ См. например, одноименное стихотворение «Das Ewig-Weibliche» (в пер. с нем. «Вечная женственность»): *Соловьев В. С.* Стихотворения и шуточные пьесы / Вступ. ст., сост. и прим. З. Г. Минц. Л., 1974. С. 120–122 («Библиотека поэта». Большая сер.).

² Этот образ появляется в стихотворении «Три свидания» — поэтическом воплощении автобиографических сведений Соловьева о явлении ему Софии. См.: *Соловьев В. С.* Три свидания // Там же. С. 125.

³ *Соловьев В. С.* Русские символисты // Вестник Европы. 1894. № 8. С. 890–892; 1895. № 1. С. 421–424; № 10. С. 847–851.

этой элегии для истории русской поэзии сам философ писал: «Несмотря на иностранное происхождение и на излишество сентиментальности в некоторых местах, „Сельское кладбище“ может считаться началом истинно-человеческой поэзии в России после условного риторического творчества Державинской эпохи».¹ Однако материалом для литературной критики тексты этого периода не становятся; кроме того, в имеющихся статьях Соловьев не выстраивает творческие родословные поэтов — какие-либо упоминания о Жуковском, Державине и т. д., применительно, например, к Пушкину, у него отсутствуют. Поэтому указание на элегию Жуковского как на «начало истинно-человеческой поэзии» можно считать, скорее, данью памяти великому поэту, нежели точкой отчета в сложившейся у Соловьева «системе координат», определяющих последовательную историю развития русской поэзии.

Такую систему в явном виде философ изложил в статье «Поэзия гр. А. К. Толстого» (1894), оговорив, что включает в свой перечень лишь поэтов, уже ушедших из жизни. Три «естественные группы» поэтов, которые он выделяет, представляют собой последовательно развивающиеся этапы. Главный представитель первой группы — Пушкин, в творчестве которого воплощено «непосредственное, органическое»² отношение мысли к творчеству. Поэтическое сознание Пушкина не рефлексивирует над сущностью поэзии. Обнаруживаемый в творчестве поэта рассудочный элемент, по мысли Соловьева, — лишь незначительная частность, «пыль на чудесном алмазе» (с. 487), не характеризующая сущность его поэзии. Настоящее вдохновение предполагает пассивность ума и воли поэта, который становится медиумом, проводником «божественного глагола» в земной мир.

Проникновение рефлексии в поэзию и жизнь характеризует особенности творчества поэтов второй группы — Лер-

¹ Соловьев В. С. Стихотворения и шуточные пьесы. С. 118.

² Соловьев В. С. Поэзия гр. А. К. Толстого // Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика / Вступ. ст. Р. Гальцевой и И. Роднянской. М., 1991. С. 484. Далее тексты критических статей Соловьева цитируются по этому изданию, с указанием номера страницы в круглых скобках в тексте.

монтова и Боратынского, вызывая их неудовлетворенность и пессимистическое отношение к действительности. Третья группа диалектически синтезирует первые две: так как возвращение к органическому творчеству уже невозможно, необходимо было преодолеть рефлексия, поставить ее на службу «положительной мысли» — то есть вернуться к чистой поэзии Пушкина, но сделать это осмысленно, задаваясь вопросами о сущности красоты и творчества. Представителями этой «поэзии гармонической мысли» (с. 489) Соловьев называет Тютчева и А. К. Толстого.

Могли ли более поздние поэты, современники Соловьева, стать частью этой концепции? На этот вопрос нельзя ответить однозначно. Нам представляется, что ограничение в выборе авторов обуславливается стремлением критика к объективной систематизации поэзии. Близкие контакты Соловьева с современными ему литературными кругами (наиболее тесные дружеские отношения связывали его с А. А. Фетом, поэзию которого философ ставил чрезвычайно высоко¹) могли послужить поводом для упрека со стороны общественности в небеспристрастности критического анализа Соловьева. Включение в концепцию «органических групп» поэтов, к которым он испытывал личную и творческую симпатию, могло расцениваться как попытка творить современную историю.

Еще одной причиной исключения современной поэзии из теоретической системы Соловьева можно считать подвижность литературного процесса. Окончательно сложившийся корпус текстов поэтов, ушедших из жизни, позволяет Соловьеву выкристаллизовать из него, может быть, не исчерпывающую, но емкую характеристику.

Получившаяся триада «органическая поэзия — рефлексивная поэзия — поэзия гармонической мысли» тяготеет (и содержательно, и формально) к философским построениям Соловьева. В первую очередь, указанная схема соотносится

---

¹ Анализ поэзии Фета посвящена большая часть статьи «О лирической поэзии» (1890), в которой Соловьев признает мастерство поэта в области чистой лирики. Впоследствии Фет удостоится от критика звания «гениального лирика» («Поэзия Я. П. Полонского», 1896)

с классической гегелевской триадой «тезис — антитезис — синтез», где синтез — логический результат борьбы тезиса и антитезиса, их дальнейшее развитие. Такая, быть может, смелая параллель вполне обоснована: Соловьев хорошо знал труды немецкого философа, именно его перу принадлежит статья о Гегеле в Энциклопедии Брокгауза и Ефрона (1892). А. Ф. Лосев, анализируя точки сближения и расхождения философских представлений двух мыслителей, пришел к выводу о влиянии Гегеля на взгляды Соловьева. Об особом значении диалектической триады для Соловьева Лосев писал следующее: «он не только понял сущность гегелевской триады, но и сам постоянно пользовался ею в своих рассуждениях. Число „три“ настолько оказалось привычным Вл. Соловьеву, что он его весьма часто употреблял даже и не в смысле диалектики, а в смысле просто обыкновенной системы рассуждения или рассказа».¹ Таким образом, перенесение идеи диалектического развития на эстетическую почву вкупе с хронологической упорядоченностью поэтов, включенных в каждую из групп, позволяет видеть в этой системе основу критической концепции русской поэзии Соловьева.

Можно ли в таком случае говорить о том, что поэзия Пушкина в понимании Соловьева — пройденный этап, а следующие за ним поэты в своем творчестве стоят выше на пути всеобщего совершенствования? И да, и нет. Зададимся целью проследить, какое место занимает Пушкин в представлениях Соловьева об истории русской поэзии, как он связан с другими поэтами и какое значение имеет в настоящий момент (то есть на рубеж XIX–XX веков). Такая задача требует привлечения материала всех работ Соловьева, посвященных русским поэтам, в первую очередь — самому Пушкину.

Возвратимся к определению первой группы. Соловьев пишет:

Здесь отношение мысли к творчеству — непосредственное, органическое, — в процессе творчества сознание не отделяется от самого дела, — нет никакого раздвоения в по-

---

¹ Лосев А. Ф. Владимир Соловьев и его время. Изд. 2-е, испр. М., 2009. С. 176 («Жизнь замечательных людей»).

этической деятельности. Как чистый поэт, поэт-художник по преимуществу, Пушкин прямо дает нам совершенные образцы красоты, не тревожась общим вопросом: что такое поэтическая красота, как она относится к жизни, какое ее место и значение во вселенной? <...> Когда высший голос требовал его к священной жертве, он вместе с «заботами суетного дня» бросал и всякую рефлексию (с. 484–486).

Представление о поэзии как о «непосредственном» процессе, движимом вдохновением, а не рассудком, созвучно тому, как Соловьев видит поэзию в целом. Можно говорить о том, что рецепция пушкинской поэзии позволяет философу эксплицировать собственные эстетические принципы, которых он придерживался на протяжении всей своей литературно-критической деятельности.

Так, статья «Значение поэзии в стихотворениях Пушкина» (1899), написанная уже в конце жизни Соловьева, по сути представляет программный образ идеального поэта. Предметом рассмотрения в ней становятся семь произведений («Пророк», «Поэт», «Поэт и толпа», «Поэту», «Моцарт и Сальери», «Эхо», «Памятник»), темой которых является рефлексия над поэтическим призванием и непосредственно творческим процессом. Центральную роль в рассуждениях Соловьева занимает «Пророк», одноименный образ из стихотворения служит художественным аргументом, подкрепляющим теоретическую мысль Соловьева. Полемизируя с точкой зрения современников, Соловьев доказывает, что основа понимания этого образа лежит вне религиозной сферы: принимая во внимание библейский подтекст стихотворения, он последовательно проводит идею о том, что в «Пророке» реализуется «идеальный образ истинного поэта в его сущности и высшем призвании» (с. 342; курсив Соловьева — *А. Б.*). Высшее же призвание поэта — реализация абсолютной красоты в мире, перенесение ее с божественного уровня на человеческий. Этим обусловлены проводимые над пророком метаморфозы: лишение земных органов чувств, «слишком человеческих», позволяет углубить способность восприятия, воодушевить на высокий путь поэтической борьбы. Идея преображения, совершенствования мира лежит в основе соловьевской философии, ею проникнуты все

уровни организации бытия, она же является первоочередной задачей человека:

Все историческое развитие — и не только человечества, но и физического мира — есть необходимый путь к совершенству. <...> если бы эта цель мыслима была без деятельности человека, то она была бы уже от века достигнута, так как в самом Боге не может быть никакого процесса совершенствования, а одна вечная и неизменная полнота всех благ.¹

Самостоятельная роль в процессе совершенствования принадлежит искусству, поэзии, поскольку оно может привести в мир красоту, которая, наряду с добром и истиной, принадлежит к первоосновам совершенного бытия.

Поэт-пророк, вооруженный для активной деятельности и ведомый божественным вдохновением, — таким вырисовывается поэтический идеал Соловьева. И все-таки идеал, который задан в этой статье, одновременно и запредельная высота, недостижимая для ныне существующих поэтов. Сам Пушкин, по мнению Соловьева, тоже не достиг ее.

Предваряя разговор о пушкинской поэзии, философ четко разграничивает эстетическую и этическую оценки поэта. Последней посвящена статья «Судьба Пушкина» (1897), написанная за два года до «Значения поэзии...». Центральной темой этой статьи, вызвавшей широкий резонанс в печати,² стало определение понятий «судьба» и «гений» на примере последней дуэли Пушкина. Интерпретация обстоятельств дуэли в контексте приближающегося столетнего юбилея со дня рождения поэта звучала как вызов: Пушкин, по мнению Соловьева, своей волей принял решение о дуэли, несмотря на то, что ее можно было избежать. Виной тому — одолевшая его жажда мщенья, нежелание подняться в своем отноше-

¹ Соловьев В. С. *Оправдание добра* / Отв. ред. О. А. Платонов. М., 2012. С. 289, 293–294.

² Например, выступления В. П. Буренина на страницах «Нового времени» (*Буренин В. П.* 1) *Критические очерки* // Новое время. 1897. № 7731. С. 2; 2) *Критические очерки* // Новое время. 1899. № 8545. С. 2), отзыв А. И. Богдановича (*Богданович А. И.* Суд над Пушкиным и мрачная философия «оправдания добра» г. Влад. Соловьева // *Мир Божий*. 1897. № 10. С. 7–10) или статью Б. В. Никольского, выпущенную отдельной брошюрой (*Никольский Б. В.* Суд над Пушкиным. Письмо к Буренину. СПб., 1897.)

нии к обществу на тот уровень, на котором он находился как поэт. Пушкин («мог и хотел убить человека») (с. 297; курсив Соловьева — А. Б.), но судьба не позволила ему сделать этого, так как за убийством последовал бы долгий путь нравственного покаяния, навсегда лишивший бы поэта возможности творить. Следовательно, трагический исход — результат одновременно волевого решения человека и «разумного» порядка судьбы, которую Соловьев, в конечном счете, призывает считать «Провидением Божиим» (с. 300), так как благодаря ему поэт избежал катастрофы и пришел к «духовному возрождению». Лаконичный, но выразительный вывод, сделанный философом, — «Пушкин убит не пулю Геккерна, а своим собственным выстрелом в Геккерна» (с. 294) — в дальнейшем будет цитироваться множеством оппонентов, обвинявших Соловьева в дидактизме, морализаторстве и глумлении над памятью великого поэта.¹

Исходя исключительно из статей о Пушкине, трудно определить отношение Соловьева к нему: во-первых, собственно критическому разбору поэзии посвящена только одна из них, во-вторых, над практическим анализом и оценкой — что свойственно работам философа — превалируют теоретические рассуждения о более общих эстетических проблемах. Поэтому интересно проследить упоминания о Пушкине в контексте работ о других поэтах, которые в своей жизни и творчестве обнаруживали, по мысли Соловьева, точки пересечения с жизнью и творчеством Пушкина.

Следуя хронологическому порядку авторов, обратимся к статье «Лермонтов», последней из критических статей философа, опубликованной уже после его смерти в 1901 году. Тесная связь ее со статьей «Судьба Пушкина» очевидна: здесь мы также можем указать на «судьбу» и «гения» как на два ключевых концепта, вокруг которых строятся рассуждения философа. На основании этого исследователи определяют вторую половину литературно-критической деятельности Соловьева как период, в котором он выступает в качестве

---

¹ См. упомянутые выше работы и также: *Протопопов М. А.* Два мисосозерцания: (По поводу одной русской брошюры и одной иностранной повести) // Русская мысль. 1898. № 7. С. 167–187.

«теоретика „судьбы поэта“»,¹ фокусируя внимание на личности и метафизических аспектах творческой биографии и практически не затрагивая конкретные примеры творчества.

Впервые эта статья была прочитана Соловьевым на публичной лекции в 1899 году и имела заголовок «Судьба Лермонтова»,² образуя своего рода диптих со статьей о Пушкине. Соловьев продолжает развивать выведенную им в связи с Пушкиным нравственную аксиому: «гений обязывает». Но параллель с Пушкиным не исчерпывается понятием гениальности: в статье о Лермонтове также возникает тема поэта-пророка. Пророческие задатки Лермонтова Соловьев усматривает в его родословной, берущей свое начало от шотландского барда и пророка Томаса Лермонта, а их поэтическое воплощение — в стихотворении «Сон», в котором поэт «не только предчувствовал свою роковую смерть, но и прямо видел ее заранее» (с. 389). Как и в случае с Пушкиным, Соловьев видит в пророческом даре свидетельство гениальности, однако замечает, что этот дар не находит себе должной реализации из-за эгоизма того, кто им наделен. Как бы не внемля пушкинскому серафиму, который призывает преображенного поэта «глаголом жечь сердца людей», то есть быть обращенным вне себя, Лермонтов направляет свой дар только на себя самого.

Крайний индивидуализм и разочарованность в жизни доходят до своего апогея к концу жизни Лермонтова: Соловьев называет дуэль поэта с Мартыновым «фаталистическим экспериментом», «безумным вызовом высшим силам» (с. 397). И здесь нельзя не сравнить восприятие Соловьевым дуэли Лермонтова и дуэли Пушкина. Жажда мести, обуявшая Пушкина перед смертью, была кратковременной страстью поэта, который уже сознавал в себе глубокое религиозное начало, и, соответственно, после того, как эта страсть улеглась, обратился на путь духовного преображения. Его тра-

¹ Фатющенко В. И., Цимбаев Н. И. Владимир Соловьев — критик и публицист // Соловьев В. С. Литературная критика. М., 1990. С. 22.

² Упоминание о лекции Соловьева напечатано в заметках «Биржевой газеты» (Новости и Биржевая газета. 1899. № 50. 19 февр. С. 2.)

гедия заключается в том, что поэт в своей частной жизни спустился с той божественной высоты, которой он достигал в творчестве. Судьба Лермонтова — это планомерное развитие в нем эгоистических, демонических начал, которые брали верх над религиозным началом в его душе. Поэтому дуэль Лермонтова не окрашена для Соловьева в столь трагические тона, поскольку она стала закономерным итогом жизни поэта, а «бравый майор Мартынов» (этот эпитет Соловьев явно не мог бы применить к пушкинскому сопернику) стал «роковым орудием кары для человека, который должен и мог бы быть солью земли, но стал солью, так жалко и постыдно обуявшею» (с. 393).

Примечательно также упоминание Лермонтова в статье «Особое чествование Пушкина» (1899), направленной против оценок пушкинского творчества, высказанных по поводу юбилея поэта в журнале «Мир искусства». Соловьев полемизирует с точкой зрения В. В. Розанова, высказанной им на страницах вышеупомянутого журнала,¹ согласно которой творчество Пушкина менее актуально для нынешнего поколения, в отличие от творчества Лермонтова, Гоголя, Достоевского и Толстого. Их Розанов признает родственными оргиастическому, пифийскому творчеству, в противовес «трезвому» Пушкину, а следовательно, более актуальными для современной культуры, чье самознание «растет глубже, чем возможно было в его (Пушкина — А. Б.) время».² Соловьев же подчеркивает божественную природу пушкинской поэзии, не достижимую до конца следующими за ним авторами: «розановского „пифизма“, положим, в них мало, но и Ветилуи настоящей почти не видать» (с. 308). Образ Ветилуи, «дома Божьего», Соловьев заимствует из незавершенной пушкинской поэмы «Юдифь» (1836). Пушкин таким образом оказывается отличен и от Лермонтова, и от тех современников Соловьева, которые стремились противопоставить гармоничной, «правильной» пушкинской поэзии новый художественный метод. Но если за Лермонтовым,

¹ Розанов В. В. Заметка о Пушкине // Мир искусства. 1899. № 13–14. II. С. 1–10.

² Там же. С. 10.

Гоголем, Достоевским и другими писателями Соловьев признает стремление к Ветилуе, к божественному источнику творчества, то позицию представителей современной литературы он считает заблуждением: признание в качестве вдохновения экстатического чувства, напоминающего мистическое опьянение дельфийской прорицательницы, ведет не только к искажению природы творчества, но и к неадекватной оценке писателей предшествующих поколений.

Оценка личности Лермонтова в сравнении с оценкой Пушкина кажется еще более дидактичной и категоричной. При этом богоборчество и состояние душевного бунта, о которых пишет Соловьев, до некоторой степени было свойственно и ему самому. Характерный вывод об отношении Соловьева к Лермонтову сделала Зара Григорьевна Минц: «бунтарский романтизм Лермонтова вызывал у Соловьева то сложное сочетание внутреннего родства и острейшей неприязни, которое Блок впоследствии назовет „ненавидящей любовью“». ¹ Для чего же нужна была такая отповедь Лермонтову? Нам кажется, это обусловлено все тем же стремлением Соловьева представить развитие русской поэзии в виде стройной диалектической системы: поэзия Лермонтова и Боратынского должна была стать антитезой пушкинскому творчеству, ² поэтому эта противопоставление должно последовательно проходить сквозь все уровни творческой биографии поэта.

Итак, Пушкин и Лермонтов предстают как тезис и антитезис: органическая, чистая поэзия Пушкина и рационалистичная, рефлексивная поэзия Лермонтова. Их синтез, по мысли Соловьева, обнаруживается в творчестве Тютчева и А. К. Толстого. В синтезе должны быть сняты противоречия, но при этом учтены принципиальные моменты и тези-

¹ Минц З. Г. Владимир Соловьев — поэт // Минц З. Г. Поэтика русского символизма. СПб., 2004. С. 311.

² Применительно к творчеству Боратынского на это же указывает Ю. Ю. Анохина: Анохина Ю. Ю. Личность и поэзия Е. А. Боратынского в русской философской мысли конца XIX — начала XX века: Вл. Соловьев и В. В. Розанов о поэте // Литература и религиозно-философская мысль конца XIX — первой трети XX века. К 165-летию Вл. Соловьева / Отв. ред. и сост. Е. А. Тахо-Годи. М., 2018. С. 313–314.

са, и антитезиса. Если отстраниться от текста соловьевских статей и взглянуть на эту систему с точки зрения «правильной» гегелевской диалектики, Тютчев и Толстой оказываются наследниками двух противоборствующих течений. Но Соловьев позволяет себе отойти от этих «правильных» принципов: приметы преемственности традиции у Тютчева и Толстого критик обнаруживает только в отношении пушкинской поэзии.

Тютчев и Толстой выполняют своего рода завет своего предшественника и освещают те поэтические темы, которые были несвойственны Пушкину. Тютчеву Соловьев предоставляет «раскрытие поэтического смысла природной жизни» (с. 326). Толстому отводит роль «поэта-борца» (с. 483), не отделяющего поэзию от нравственных жизненных целей. Можно сделать вывод, что поставить в центр Пушкина для Соловьева оказалось важнее, чем следовать классику немецкой философии. И более того: если в гегелевской схеме синтез — это более совершенный этап развития, то в соловьевских построениях Тютчев и Толстой сами оцениваются высоко через сравнение с уже заданной планкой — Пушкиным. Таким образом, хотя три «естественные группы» исторически развивают поэзию и приходят к более продуманным ее формам, качество этих форм оценивается с оглядкой на ту высоту, которую уже занимал Пушкин.

Тютчев и Толстой наследуют пушкинской традиции в гражданской и философской проблематике, оправдывая определение поэтов «гармонической мысли». Подлинные же шедевры пушкинской лирики чужды рациональному: для Соловьева Пушкин «дорог не своими *умными*, а своими *вдохновенными* произведениями» (с. 323; курсив Соловьева — А. Б.). Отсутствие «ума» в этом случае не имеет никаких отрицательных коннотаций, но характеризует собой направление «чистой лирики», которая в своих установках и предмете изображения противопоставлена философской и гражданской поэзии. Чистой лирике чужд исторический и гражданский пафос: своей «бесполезностью» (понимаемой в узко практическом смысле) она утверждает самоценность Красоты, которая служит реализации совершенства в мире только тем, что прекрасна.

Продолжение пушкинской линии чистой лирики Соловьев видит в творчестве современных ему поэтов, прежде всего, Фета и Полонского. Анализу их творчества посвящена статья «О лирической поэзии» (1890). В ней же Соловьев дает теоретическую характеристику чистой лирики, материалом для которой становится пушкинская поэзия, как отправная точка рассуждений критика. Так, лирика патриотическая, стихотворения «на злобу дня» апеллирует к человеческой истории, к конкретному ее моменту; чистая же лирика воплощает в себе связь с вечностью. Соответственно, ее значение в решении ключевой задачи искусства — сближении действительности с божественным началом, реализации Всеединства — несоизмеримо выше. В качестве доказательства Соловьев сравнивает впечатление, производимое стихотворением Пушкина «Клеветникам России» (как пример «патриотических и цивических» мотивов в поэзии), с первыми строками его же «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор...»). Поэтическое изображение природы есть чистая лирика: она чужда преходящему, изменчивому процессу истории, но обращается к миру природы, созерцание которой для поэта являет «индивидуальное воплощение мировой жизни, живое равновесие между единичным и общим, или присутствие всего в одном».¹

Поэзия Фета, таким образом, также встраивается в ряд наследников пушкинской традиции. Однако здесь может возникнуть вопрос: не противоречит ли творческое кредо «чистого» лирика идеалу, заданному «Пророком»? И если нет, то каким образом соотносятся поэтический эскапизм с призывом пушкинского серафима? В стремлении Фета отвернуться от повседневности, «пробить будничный лед, чтобы хотя на мгновение вздохнуть чистым и свободным воздухом поэзии» (с. 403, здесь критик цитирует предисловие Фета к поэтическому сборнику «Вечерние огни»), Соловьев не видит ничего предосудительного, так как его служение как чистого лирика состоит в том, что он, принося в этот мир частицу неземного бытия, преображенного в слово, дает людям возможность забыть тяготы будничной

¹ Там же. С. 418.

жизни. «Для Фета между двумя мирами нет ничего общего, они исключают друг друга, и если жить и действовать придется в мире практической воли, себя пожирающей, то петь и творить можно, только совсем забывая об этом злом мире, решительно повертываясь к нему спиной и уходя в область чистого созерцания» («Поэзия Я. П. Полонского», 1896. — С. 525). Активное же участие поэта в совершенствовании реальной действительности, призыв к которому Соловьев видит в пушкинском «Пророке», на современном этапе развития остается только намеченной целью. Установка чистой лирики на обращение к вечным началам, ее стремление возвыситься до уровня божественной красоты — шаг на пути к этой цели. Полноценная реализация этого стремления, по мысли философа, будет достигнута тогда, когда эстетическое воздействие поэзии окажется вместе с тем и воздействием нравственным, когда поэтическое слово буквально станет способно «жечь сердца людей», преобразовать человеческую природу на ощутимом, практически материальном уровне.

В целом, можно говорить о том, что преемственность пушкинской традиции становится положительной характеристикой в оценке Соловьевым творчества того или иного поэта. К примеру, несмотря на критическое отношение к тому мировоззрению, которое обнаруживает Соловьев у А. А. Голенищева-Кутузова, о высокой эстетической оценке последнего говорит его творческое сближение с Пушкиным: «В современной литературе автор поэмы „Дед простил“ и „Сказок ночи“, несомненно, выдается как настоящий поэт, в стихах которого иногда явственно слышится веяние Пушкинского духа» («Иллюзия поэтического творчества», 1890. — С. 575–576). Различие состоит в том, что поэзия Пушкина представляется Соловьеву «поэзией жизни и воскресения» (С. 426), христианской по своему настроению, в то время как Голенищева-Кутузова он называет «поэтом смерти и Нирваны» (С. 426) — эстетически сближаясь с Пушкиным, современный поэт расходится с ним в мировоззренческом плане. Примечательно при этом, как Соловьев указывает на преемственность пушкинской традиции Голенищева-Кутузова. Соловьев называет его «остальным из стаи славной» тех поэтов, которые явились

вслед за Пушкиным и Лермонтовым».¹ Заключенная в кавычки фраза — также цитата из стихотворения Пушкина «Перед гробницею святой...», посвященного М. И. Кутузову. Помимо обыгрывания принадлежности Голенищева-Кутузова к известному роду, как указывает Н. И. Цимбаев в примечаниях к статье, здесь можно отметить параллель между образом великого правителя (в данном случае — Екатерины II) и образом Пушкина — и в том, и в другом случае они являются центральными фигурами, давшими толчок историческому и/или культурному развитию, вокруг которых образуется круг единомышленников и преемников, политических и поэтических.

Можно видеть, что первоначально заданная Соловьевым оппозиция «органической» и «рефлексивной» поэзии не является симметричной и не выдерживается последовательно: разные возможные линии поэтической генеалогии ведут к Пушкину. Для более глубокого понимания идей Соловьева важно учитывать исторический контекст рубежа XIX–XX веков — с приближением пушкинского юбилея 1899 года внимание к личности поэта значительно возросло. Особенно это заметно среди представителей зарождающегося «Серебряного века» (см., например, «пушкинский» выпуск журнала «Мир искусства» — 1899. № 13–14), что было обусловлено их желанием утвердить себя в ценностной системе русской литературы и определить свое отношение к классику.

Полемика Соловьева с новыми культурными течениями выходила далеко за рамки собственно литературных вопросов — эта тема требует отдельного рассмотрения и не входит в наши задачи. При этом еще до написания статьи о символистах в работе «Национальный вопрос в России» (1888) Соловьев писал:

Чтобы иметь право допустить, что цветущая эпоха нашей литературы <...> представляет лишь зародыш нашего будущего творчества, нужно выставить возрастающих талантов и гениев более значительных, нежели Пушкин, Гоголь или Толстой. Но наши новые литературные поко-

---

¹ Соловьев В. С. Буддийское настроение в поэзии // Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. С. 425.

ления <...> не могли произвести ни одного писателя, хотя бы лишь приблизительно равного старым мастерам.¹

Это убеждение сохранилось у философа до конца жизни.

Характерно, что неспособность молодого поколения приблизиться к уровню гениев предыдущих поколений и, в первую очередь, к Пушкину, сочетается с неправильным пониманием ими пушкинского творчества. Это непонимание во многом отражает идейные и творческие заблуждения новых философов и поэтов — «декадентов» и «эстетов», по выражению Соловьева, сущность эстетических взглядов которых состоит в утверждении «новой красоты», свободной от моральных и этических условностей. Так, например, Соловьев иронично характеризует современную рецепцию пушкинского «Пророка»: в действиях серафима символисты видят неприкрытую жестокость как доказательство того, что «поэт был проникнут идеей новой красоты, которая выше различия добра и зла» («Значение поэзии в стихотворениях Пушкина». С. 347). Разумеется, что для Соловьева, чья философия предполагает неразрывное единство и взаимосвязь Добра, Истины и Красоты, такая позиция не могла вызвать сочувствия.

Для философа современное отношение к Пушкину выражается в стремлении причислить его к «своим», приписать ему соответствующие взгляды, игнорируя действительные особенности пушкинского творчества. В статье «Судьба Пушкина» Соловьев обрушивается с критикой «новейших панегиристов пушкинской поэзии» (с. 288), которые стремятся обнаружить у Пушкина ницшеанские взгляды. В первую очередь, имелась в виду статья Н. М. Минского «Заветы Пушкина». Тезисы Минского о победе «эстетического идеала над этическим» и победе «инстинкта над рассудком»² раскрываются им на примере «Евгения Онегина» и «Пророка». Художественные особенности романа в стихах, «поэтическое освещение» его содержания, по мнению Минского, отражают торжество

---

¹ Соловьев В. С. Национальный вопрос в России. Выпуск первый. 1883–1888 // Собр. соч. / Под ред. и с прим. С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. 2-е изд. СПб., [1914]. Т. 5. С. 100–101.

² Минский Н. М. Заветы Пушкина // Мир искусства. 1899. Т. 2. № 13–14. С. 25.

правды Онегина, который отвергает счастье, «когда ему стоило протянуть за ним руку», и желает его снова, «когда для его достижения понадобилось разрушить семейный мир любимой женщины и опозорить ее в глазах света».¹ Стихийное желание отдельной личности ставится выше светских условностей и норм морали, и в свете этой позиции получает оправдание убийство Ленского (высказанное, правда, в виде риторического вопроса). Для Соловьева, напротив, победа в финале остается не за Онегиным, а за Татьяной как воплощением этического начала, а трактовка Минского и выведенное из нее заключение есть лишь следствие субъективного чтения пушкинского романа. Вообще, проблема невнимательного изучения и анализа во многом видится Соловьеву истоком ошибочных оценок и суждений: «...Пушкина в настоящее время гораздо более хвалят, чем читают и изучают» (с. 331).

Подведем итог. Выделяя чистую лирику среди всех жанров и родов литературы, Соловьев выстраивает ряд поэтов, которые являются продолжателями Пушкина: наиболее близкими к нему оказываются Фет и отчасти Полонский. При оценке своих современников Соловьев также применяет критерий их созвучности поэтическому наследию Пушкина. Одним из главных недостатков, обнаруживаемых философом в творчестве поэтов второй половины XIX века, является избыток сознательной работы над художественным текстом, которая убивает в нем первоначальное вдохновение, тогда как примат вдохновения над разумом характерен для творчества Пушкина.

Резко негативная оценка Соловьевым символистских опытов также связана с Пушкиным: в их поэзии критик не обнаруживает гармонии между формой и содержанием. Мировоззренческие заблуждения первых символистов отразились не только в их текстах, но и в ошибочном понимании творчества Пушкина: Соловьев одновременно выступает против отрицания ими пушкинского творчества и стремления зачислить поэта в ряды «своих».

Творчество Пушкина служит для Соловьева образцом, «моделью», пусть и недостижимой, для художественного

¹ Там же.

творчества, и выступает в качестве своеобразного критерия оценки произведений других поэтов. Полемика по поводу рецепции Пушкина стала для философа не только доказательством бесперспективности нового, «декадентского» течения в литературе, но и попыткой указать правильный путь дальнейшего развития русской поэзии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анохина Ю. Ю.* Личность и поэзия Е. А. Боратынского в русской философской мысли конца XIX — начала XX века: Вл. Соловьев и В. В. Розанов о поэте // Литература и религиозно-философская мысль конца XIX — первой трети XX века. К 165-летию Вл. Соловьева / Под ред. Е. А. Тахо-Годи. М., 2018. С. 310–324.
2. *Лосев А. Ф.* Владимир Соловьев и его время. Изд. 2-е, испр. М., 2009 (Жизнь замечательных людей).
3. *Минц З. Г.* Поэтика русского символизма. СПб., 2004.
4. *Фатющенко В. И., Цимбаев Н. И.* Владимир Соловьев — критик и публицист // Соловьев В. С. Литературная критика. М., 1990. С. 5–34.

REFERENCES

1. *Anokhina Ju. Ju.* Lichnost' i poezija E. A. Boratynskogo v russskoj filosofskoj mysli kontsa XIX — nachala XX veka: Vl. Solov'ev i V. V. Rozanov o poete // Literatura i religiozno-filosofskaja mysl' kontsa XIX — pervoj treti XX veka. K 165-letiju Vl. Solov'eva / Pod red. E. A. Takho-Godi. M., 2018. S. 310–324. (In Russ.)
2. *Losev A. F.* Vladimir Solov'ev i ego vremja. Izd. 2-e, ispr. M., 2009 («Zhizn' zamechatel'nyh ljudej»). (In Russ.)
3. *Mints Z. G.* Pojetika russskogo simvolizma. SPb., 2004. (In Russ.)
4. *Fatjuschenko V. I., Tsimbaev N. I.* Vladimir Solov'ev — kritik i publitsist // Solov'ev V. S. Literaturnaja kritika. M., 1990. S. 5–34. (In Russ.)